

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА

Объектом исследования данной статьи является изучение специфики реализации концепции культуры и национального самосознания в художественном и публицистическом наследии К. Леонтьева, русского философа и писателя второй половины XIX в. В статье анализируется одна из важных проблем – проблема концептуального отражения персонологического понимания культуры, с учетом эволюции эстетического и религиозного мышления К.Н. Леонтьева, принимаемая во внимание реализацию принципов внеморального эстетизма и религиозной ортодоксии в его творческой системе, а также соотношение культурологической концепции К.Н. Леонтьева с контекстом общественно-эстетической мысли XIX – XX вв.

Подчеркивается актуализация К.Н. Леонтьевым славянофильской идеи развития самобытной национальной культуры и национального самосознания, противопоставленных европейским традициям, акцентируется внимание на необходимости сохранения национальных традиций и изучения прошлого России.

Проблемы развития национальной культуры и национального самосознания – вопрос далеко не праздный для К.Н. Леонтьева, русского писателя и философа второй половины XIX в., высоко ценимого целой плеядой выдающихся мыслителей русского религиозно-философского ренессанса, суждения которого, произнесенные более ста лет тому назад, не утратили своей актуальности для нынешних поколений. Культурологические построения К.Н. Леонтьева, безусловно, не так уж просты и не бесспорны, однако некоторые из них, созданные в середине его творческого пути и лишенные крайнего пессимизма последних лет жизни, содержат в себе позитивные моменты и вневременную заданность, что обусловило их значимость и злободневность не только для

русского социума, о котором столько говорит К.Н. Леонтьев, но и для других славянских народов.

Под культурой К. Леонтьев понимает, в первую очередь, “сложную систему отвлеченных идей (религиозных, государственных, лично-нравственных, философских и художественных), которые вырабатываются всей жизнью наций. Она, как продукт, принадлежит государству, как пища, как достояние, она принадлежит всему миру” [1, с. 140]. Вполне осознавая условность этих отвлеченных идей и кажущуюся их абстрактность, К. Леонтьев определяет для них конкретные соответствия, так называемую “совокупность весьма реальных явлений”, будь то общества людей, города, села, богослужения, литературные произведения и т.д. Высокий уровень культуры и ее влияние, с точки зрения романтика-эстета К. Леонтьева, определяет достаточно высокая степень проявления красоты, разнообразия и своеобразия (“культура есть не что иное, как своеобразие...”).

Это связано с реализацией принципов неморального эстетизма, где общим законом красоты, по К.Н. Леонтьеву, является разнообразие в единстве, что вплотную подводит его эстетическую позицию, точнее, неразрывно связывает с декларируемым принципом неравенства. Критерий неравенства, сословности – это своеобразная метафизическая интуиция об иерархии человеческого бытия, столь же универсален и приложим ко всему у К.Н. Леонтьева, в том числе и к осознанию и пониманию национальной культуры.

Творец всего этого – человек, индивид. И здесь ставка у К.Н. Леонтьева на индивидуальность, на приоритет личности, на персоналистическое понимание культуры как творческого самораскрытия и самоутверждения личности. Он остро ставит вопрос о роли личности в многоаспектных проявлениях национальных образований, в частности, русской нации, совпадая с позицией П. Чаадаева, актуализировавшего проблему национального и личностного самосознания в 1830-х гг.: “Чем знаменита, чем прекрасна нация?.. Лучшее украшение нации – лица, богатые дарованием и самобытностью... дело не в учении, а в личности” [2, с. 448]. Сам К. Леонтьев в жизни был весьма незаурядной личностью, с ярко выраженными чувством собственного достоинства и активной гражданской позицией. Будучи на дипломатической службе в 1864 г. ему пришлось покинуть остров Крит после того, как на оскорбительный отзыв о России он отвечает ударом хлыста по лицу французскому консулу Дерше. Этот показательный эпизод нашел отражение в автобиографическом романе “Египетский голубь”, в котором консул Владимир Ладнев демонстрирует позицию гражданина и человека, ставившего честь отечества выше собственной карьеры.

Приоритет яркой и самобытной индивидуальности противопоставлен у К. Леонтьева безличности и бесцветности, усредненности, господству “среднего” человека, устоявшемуся принципу “быть как все”. Он выступает непримиримым борцом против нивелирования общества, мещанства, пошлости, карикатурной подражательности и фальши. К.Н. Леонтьев прямо апеллирует к европейскому художественному опыту, выражая свою реакцию на историческое развитие: “И я не исключение какое-нибудь уродливое в этом случае. Все истинные художники, все поэты, все мыслители, одаренные эстетическим чувством, не любили этого среднего человека. Гёте в Вильгельме Мейстере и Фаусте презирал его; Жорж Занд, во всех лучших романах своих, ненавидела чисто-утилитарных людей... Байрон – великий поэт чувства, а не образов и типов; он игнорирует все подобное в своих великих созданиях. Но зато вся его жизнь есть бешенный и благородный протест против той ново-европейской прозы, которой зловещие признаки он уже видел везде в передовых тогдашних обществах” [VIII, с. 96].

Не случайно С. Булгаков отмечал совершаемый у К. Леонтьева кризис новой культуры, который осознается как “эстетический мятеж против обмещанившего века” [3, с. 561]. Такая позиция К. Леонтьева близка к умонастроениям А. Герцена и Ф. Ницше, о чем неоднократно указывалось в исследуемой литературе. Сам же К.Н. Леонтьев убедительно свидетельствует о той роли, которую сыграл Герцен в его отрицании “мещанской” Европы: “Со стороны... исторической и внешне жизненной эстетики я чувствовал себя несравненно ближе к Герцену, чем к настоящим славянофилам. Разумеется, я говорю не о Герцене “Колокола”, этого Герцена я в начале 60-х годов ненавидел и даже не уважал; но о том Герцене, который издевался над буржуазностью и прозой новейшей Европы” [2, с. 242].

Самобытная личность, с точки зрения мыслителя, способна творить и самобытную, своеобразную культуру, отличающую ее от других культур в мире, при этом Леонтьев акцентирует внимание на необходимости сохранения национальных традиций и изучения прошлого России: “Свое прошедшее мы знаем мало; а нам знать свои, хоть и поблекшие начала нужнее, чем кому-нибудь... в соседстве подавляющей культуры Запада... Нам нужно знать, какие народные начала хорошо бы выработать, нам даже надо знать, какое зло терпеть необходимо, чтобы быть самими собой, а не отсталыми и робкими лакеями европейских успехов” [2, с. 454], – достаточно нелицеприятно и без комплиментарности утверждает К. Леонтьев, осознавая в то же время неоспоримые достижения и величие европейской культуры: “Европейское наследство вечно и до того богато, до того высоко, что история еще ничего не представляла подобного” [1, с. 140]. Нужно отметить, что тема “Россия и Европы” является существенной для Леонтьева. Таковы реалии эпохи, в которой он живет и творит: “Борьба России и Европы, Востока и Запада представлялась борьбой духа с бездушием, религиозной культуры с безрелигиозной цивилизацией. Хотели верить, что Россия не пойдет путем цивилизации, что у нее будет свой путь, своя судьба, что в России только и возможна еще культура на религиозной основе, подлинная духовная культура. В русском сознании очень остро ставилась эта тема” [4, с. 162].

Казалось бы трактовка этой темы Леонтьевым должна была бы отбрасывать его к славянофильству, традиции которого он чтит и уважал: “... на славянофилов я надеялся как на своих; как на отцов, на старших и благородных родственников, долженствующих радоваться, что младшие развивают дальше и дальше их учения, хотя бы даже естественный ход развития и привел бы этих младших к вовсе неожиданным выводам...”. Но Леонтьев от славянофилов существенно отличается, он вполне определенно выражает свое отношение к славянофильству: “... оно казалось мне и тогда уже слишком эгалитарно-либеральным для того, чтобы достаточно отделять нас (русских) от новейшего Запада. Это одно; другая же сторона этого учения, внушавшая мне недоверие и тесно, впрочем, связанная с первой, была какая-то как бы односторонняя моральность. Это учение казалось мне в одно и то же время и ни государственным и не эстетическим” [VII, с. 335].

“Эстетический страх” усиливает консервативную реакцию Леонтьева в отношении России, направленную на сохранение ее государственности, целостности и самобытности: “Если Запад впадает в анархию, нам нужна дисциплина, чтобы помочь самому этому Западу, чтобы спасти и в нем то, что достойно спасения, то именно, что сделало его величие, Церковь, какой бы то ни было, государство, остатки поэзии, быть может... и самую науку!.. (не тенденциозную, а суровую и печальную)” [5, с. 182].

Здесь звучит леонтьевская идея византизма, в основе которой – самодержавие, церковное православие и дисциплина. Византизм, согласно Леонтьеву, призван сохранить Россию от влияния разрушительных европейских идей, упрочить ее величие. В отношении развития России Леонтьев предлагает следующую схему: “1) Государство должно быть пестрым, сложным, сословно и с осторожностью подвижно. Вообще сурово, иногда и до свирепости.

2) Церковь должна быть независимее нынешней. Иерархия должна быть смелее, властнее, сосредоточеннее. Церковь должна смягчать государственность, а не наоборот.

3) Быт должен быть поэтичен, разнообразен в национально обособленном от Запада единстве. (Или совсем, например, не танцевать, а молиться Богу, а если танцевать, – то по-своему выдумать или развить народное до изящной утонченности и т.п.).

4) Законы, принципы власти должны быть строже; люди должны стараться быть лично добрее; одно уравновесит другое.

5) Наука должна развиваться в духе глубокого презрения к своей пользе” [6, с. 385-386].

Симпатии К. Леонтьева устремлены к монархической Европе, где не нарушается закон иерархии и разнообразия. Эта мысль постоянно варьируется в его программной работе “Византизм и славянство”, где сформулирован закон триединого процесса развития. Эта историко-культурная концепция К. Леонтьева восходит к теории культурно-исторических циклов Ф. Шеллинга, к “органической” классификации народных типов Ап. Григорьева и является своеобразной модификацией теории замкнутых культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. К. Леонтьев остро ставит вопрос о соотношении культуры и цивилизации и приходит к выводу о том, что эгалитарно-либеральный прогресс есть антитеза процессу развития культуры, поскольку уравнительный буржуазный демократизм сузит границы «цветущей сложности», разнообразия всех форм жизни. И в романе “Египетский голубь” звучит эта же мысль: “... европейская цивилизация мало-помалу сбывает все изящное, живописное, поэтическое в музеи и на страницы книг, а в самую жизнь вносит везде прозу, телесное безобразие, однообразие и смерть...” [7, с. 339].

Он усматривает у европейцев наметившуюся тенденцию к стандартизации, заданному схематизму и стиранию культурных различий, ведущую к однообразию и губительную для развития самобытности: “В культурно-бытовом отношении во всех этих небольших государственных мирах и без того с каждым годом остается все меньше и меньше своеобразного и духовно-независимого”. В устах Владимира Ладнева в романе, оценивающего Восток, культурные реалии Турции, эта концепция звучит достаточно вызывающе-откровенно: “с восторгом во всем местном, окружающем меня, прозревал залогов незрелой, неразвитой, еще греко-славянской, самобытной культуры, полной силы, величия, красоты и страшной угрозы для Запада, ниспавшего до обыкновенного мещанского либерализма, до культа “машин”, до господства газет и адвокатов, до *сюртука* и *кепи*, до канкана, ненавистных табльд’отов, и шансонетки...” [7, с. 386].

Понимая и принимая тот факт, что “культурная солидарность наша с Западом неотвратима и неисцелима”, Леонтьев все же надеется сохранить своеобразие русской культуры: “В будущем мы желаем для России жизни полной и широкой, но своеобразной донельзя; перед этим своеобразием пусть побледнеет и покажется ничтожным наше полоевропейское недавнее прошедшее. Однако и к этому недавнему прошедшему мы не можем относиться без теплоты. И в нем

мы видим элементы, без которых не может обойтись богатая национальная культура и жизнь; мы бы желали только, чтобы эти общие элементы приняли бы более русские формы". Эта же мысль художественно трансформируется и в романе "Египетский голубь": "... я желал бы, чтобы Россия была так же глубока и самобытна в своем русизме, как Англия в своих нравах, чтоб она поскорей доросла до Англии, от корней до цветов и плодов, отличаясь и от нее, и от всей Европы" [7, с. 460].

Пример России, по Леонтьеву, должен стать мощным импульсом для осознания своих культурных ценностей всем славянским миром: "Русским в наше время надо ... стремиться со страстью к самобытности духовной, умственной и бытовой... И тогда и остальные славяне пойдут со временем по нашим стопам". Безусловно, подобное утверждение было слишком далеко от узкого национализма, неприемлемого для К. Леонтьева, который гордился многонациональностью России и призывал развивать культурные особенности населявших ее народов.

И еще один важный момент. Центральным пунктом в религиозных воззрениях К.Н. Леонтьева выступает Церковь с ее незыблемыми правилами и внешними формами, которую он призывает любить, полагая, что настоящее православие может быть только церковным. Ритуальная обрядовая сторона не менее важна и привлекательна для него. Культура же для К. Леонтьева не мыслима без религиозных ценностей, без ореола святости и духовности. Хорошо об этом скажет Н. Бердяев, неоднократно апеллировавший к выводам и оценкам К. Леонтьева: "Культура всегда духовна по своей природе, не духовной может быть лишь цивилизация, культура же всегда связана со священным преданием, с культом предков". Подчеркивая оригинальность леонтьевской мысли, Бердяев констатирует: "Он отличался большой пронизательностью... Он предвидел возможный декаданс культуры, он многое сказал раньше Ницше, Гобино, Шпенглера. У него была эсхатологическая направленность. Но следовать за Леонтьевым нельзя, его последователи делаются отвратительными" [8, с. 570], тем самым возводя на пьедестал духовное одиночество К. Леонтьева, которого П. Струве считал "огромным явлением русской духовной культуры, и знать о нем и его должен всякий, кто желает блюсти и ценить культуру" [9, с. 97].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Леонтьев, К.Н.** Византизм и славянство / К.Н. Леонтьев // Византизм и славянство. Великий спор. – М.: Наследие, 2001.
2. **Леонтьев, К.Н.** Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве / К.Н. Леонтьев // Григорьев А.А. Одиссея последнего романтика. – М.: Сов. писатель, 1988.
3. **Булгаков, С.Н.** Сочинение: в 2 т. / С.Н. Булгаков. – М.: Республика, 1993. – Т. 2.
4. **Бердяев, Н.А.** Смысл истории / Н.А. Бердяев. – М.: Мысль, 1990.
5. **Леонтьев, К.Н.** Записки отшельника / К.Н. Леонтьев. – М.: Русская книга, 1992.
6. **Леонтьев, К.Н.** Избранные письма 1854 – 1891 / К.Н. Леонтьев – СПб.: Пушкинский фонд, 1992.
7. **Леонтьев, К.Н.** Египетский голубь: роман, повесть, воспоминания / К.Н. Леонтьев – М.: Русская книга, 1991.
8. **Бердяев, Н.А.** Русская идея // Византизм и славянство. Великий спор / Н.А. Бердяев. – М.: Наследие, 2001.
9. **Струве, П.** Константин Леонтьев / П. Струве // Русская литература. – 1992. – № 3.